

Интоксикация

Поэтика рассказа В. М. Шукшина «Змеиный яд»

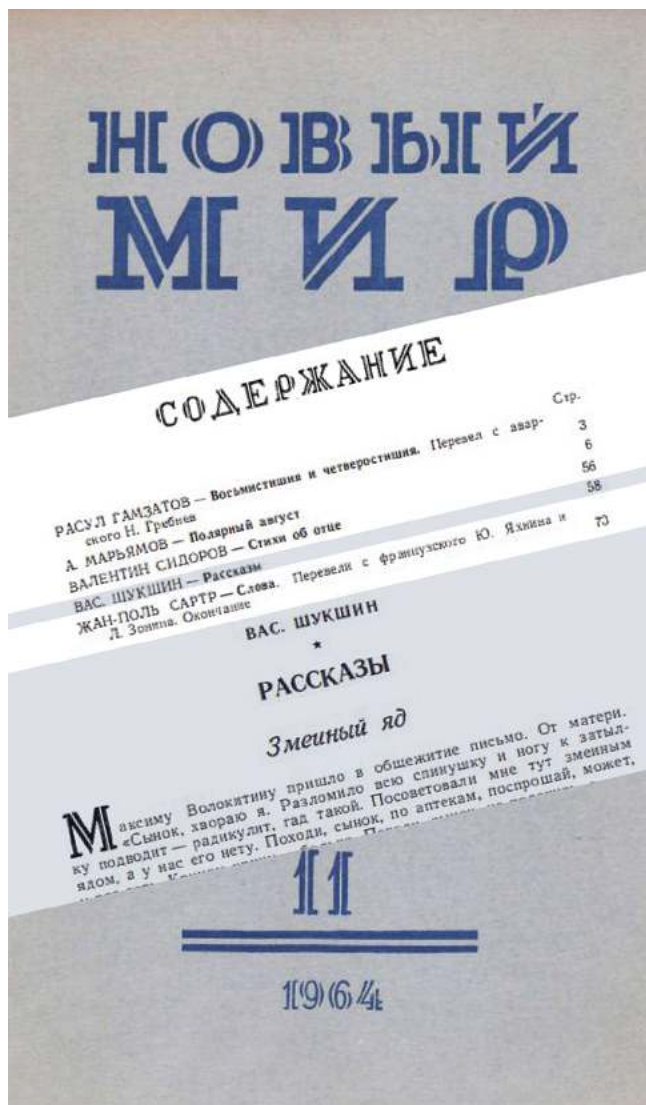
текст **Александр КУЛЯПИН**

Литературные критики встретили первые публикации Шукшина достаточно благожелательно. Сборник «Сельские жители» (1963), в который вошли почти все ранние рассказы писателя, высоко оценили в статьях и обзорах журналов: «Знамя», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Юность», «Москва» и др. Но всего лишь год спустя картина резко меняется. Новые и, кажется, более интересные в художественном отношении, произведения Шукшина теперь чаще вызывают полемическую, а порой и откровенно негативную реакцию критики. Причин тому несколько. В 1964 году был отстранен от власти Н. С. Хрущев, что ознаменовало конец хрущевской оттепели. Усилился идеологический контроль над искусством, а Шукшин, хоть диссидентом никогда не был, по отношению к генеральной линии партии вел себя весьма уклончиво.

Важнее однако другое. В произведениях конца 1950 — начала 1960 годов Шукшин ориентировался на каноны позднего соцреализма. Не избегал он даже и пресловутой «лакировки действительности». Но 1964 год стал переломным в его творчестве. Писатель отныне стремится к осмыслению самых актуальных проблем эпохи, к воплощению максимально острых конфликтов. Неудивительно, что рассказы и фильмы, созданные зрелым Шукшиным, так часто вызывали ожесточенные споры. Лев Аннинский рождение «нового Шукшина», «Шукшина настоящего» приурочил ко времени написания рассказа «Критики» (впервые опубликован в журнале «Искусство кино», 1964, № 2), «поворотного, знаменательнейшего рассказа»: «Поворот наконец свершился. Шукшин сочувствует неправому. Он встает на сторону героя, который по всем человеческим (не говоря уж об административных) законам загода кругом неправ. И это есть та самая загадка, с которой началась в нашей литературе и в кинематографе неповторимая, уникальная, до сих пор потрясающая работа зрелого Шукшина».

Подмеченное критиком «сочувствие неправому» еще заметнее в другом произведении того же периода — рассказе «Змеиный яд», впервые опубликованном в том же 1964 году, в одиннадцатом номере журнала «Новый мир». Чуть позже Шукшин использовал мотивы этого рассказа в фильме «Ваш сын и брат» (1965), что доказывает значимость затронутой в нем проблематики.

В фильме, правда, сюжет рассказа явно приглажен, основные персонажи лишены наиболее колоритных характеристик. Тем не менее именно в ходе споров вокруг картины в адрес режиссера прозвучало ставшее печально знаменитым обвинение в противопоставлении города деревне: «8 апреля 1966 года фильм обсуждался в Союзе кинематографистов, и тут Шукшин услышал упреки в «сгущении красок» при показе им города».

Отвечая критикам, Шукшин предложил собственное толкование конфликта «Змеиного яда»: «О противопоставлении города деревне. У этого парня ранено сердце, когда он получил известие, что мать больна, а он встречает такое равнодушие. А кто они, эти продавцы?.. Они ведь тоже деревенские люди. Они тоже приехали сюда. Тут страшно то, что они научились выполнять самую примитивную работу и возгордились этим, начали презирать то, что оставили там».

Простенькая фабула о покупке лекарства для больной матери под пером Шукшина обретает обобщающий смысл. «Достать» нечто в условиях так называемой «экономики продавца» с ее неписанным правилом

«Клиент всегда неправ» можно было лишь преодолеть множество препятствий, пройдя многочисленные испытания. Максим Волокитин должен сперва «добыть» рецепт, без этой «ма-ленькой бумажечки» ничего получить нельзя. Впрочем, и ее наличие ничего не гарантирует. Все решают знакомства, «блат», который, как шутили в СССР, «сильнее Совнаркома». По сути, вторая киноновелла из фильма «Ваш сын и брат», созданная по мотивам рассказа «Змеиный яд», сводится к критике этого уродливого социального явления советского быта. Максим Воеводин (такую фамилию герой носит в фильме) не желает приспособляться к царящему в столице культу потребления. В столкновении с бездушными аптекарями, продавцами, врачами он беспомощен, а порой и жалок, но поскольку его нравственное превосходство над оппонентами не вызывает сомнения, все симпатии автора и зрителя, конечно, на его стороне.

В самом рассказе авторская позиция далеко не так однозначна. Если в фильме «Ваш сын и брат» мать Максима Воеводина окружена довольно многочисленным семейством, то мать героя «Змеиного яда» одинока. Это обстоятельство делает его вину перед матерью особенно тяжелой. При этом свою вину Максим Волокитин хоть и осознает, но не так остро, как его тезка из фильма: «Он подумал, что зря он так редко писал матери, вообще почувствовал свою вину перед ней. Все реже и реже думалось о матери последнее время, она перестала снится ночами...» В тексте киноповести к слову вина добавлен эпитет «гнетущая».

Максим Волокитин, чувствуя вину перед оставленной и почти забытой матерью, проецирует свой внутренний разлад вовне и пытается изжить его в столкновениях с мнимыми недоброжелателями. Все конфликтные ситуации строятся в рассказе по одной и той же модели: Максим Волокитин приписывает горожанам собственную безучастность, чтобы получить основание для неспровоцированной агрессии.

Показательно, что слово «мама» — «ласковое обращение детей к матери» — единственный раз произносит в рассказе заведующий аптекой: «Не отчаивайтесь, поправится ваша мама». Максим предпочитает формальное обращение — «мать».

Объективных причин подозревать продавцов в бессердечном, а тем более презрительном отношении нет. Шукшин подчеркивает это, последовательно придерживаясь точки зрения героя: «Максиму подумалось, что женщине доставляет удовольствие отвечать “нет”, “не знаю». Он уставился на нее»; «Это снисходительное “молодой человек” доконало Максима»; «Максиму показалось, что она усмехнулась»; «“Выпил, наверно, вчера крепко”, — сообразил Максим» и т.д. «Подумалось», «показалось», «сообразил» — герою для морального самооправдания необходимо выставить себя жертвой всеобщего безразличия. На деле — окружающие страдают от его неприкрытого хамства: «— А отчего вы такая худая? — спросил Максим»; «Максиму захотелось обидеть женщину, сказать в лицо ей какую-нибудь грубость»; «— Позовите вашего начальника. <...> Я с ним потолкую»; «— Да пошли вы! — обозлился Максим, легко отстранил старика и прошел внутрь»; «— Я вас всех ненавижу, гадов!» и пр.

Бюрократическая «волокига», с которой вроде бы борется герой, скрыта в его собственной фамилии — Волокитин. В более широком значении волокита — это «задержка в решении какого-либо дела». У дважды повторенного Игнатом Байкаловым: «Если бы раньше пришел»; «Раньше бы надо...», — появляется явственный символический подтекст. Характерно в этой связи,

что о гостинцах для матери Максим вспоминает только за пятнадцать минут до отхода поезда, когда предпринимать что-либо уже поздно, хотя еще накануне Игнат предупредил его о своей поездке на родину. Единственным гостинцем так и остается змеиный яд.

И все же вопреки логике авторское сочувствие герою обеспечено, ведь все плохое в нем взрастил именно город. Так, усваивая городские обычаи, абсолютно здоровый Максим без очереди проходит к врачу, оттесняя действительно серьезно больного человека. И при этом он еще и весел, ощущает себя «очень ловким парнем».

Город — локус тотальной лжи и притворства. Здесь каждый должен уметь лицедействовать. Максим не исключение, и он, как выясняется, актер не из последних.

В процессе добывания змеиного яда личность героя словно бы раздваивается. Максим неожиданно для себя совершает поступки, о которых даже не помышлял: «— А отчего вы такая худая? — спросил Максим. Он сам не знал, что так спросит, и не знал, зачем спросил, — вылетело»; «— Позовите начальника! — потребовал Максим. И вдруг добавил жалобным голосом: — У меня мать болеет. — Аж самому противно сделалось».

Полностью герой теряет власть над собой в очереди у кабинета врача: «Максим <...> почувствовал, как его подняла какая-то сила и повела в кабинет». «Сила», которая целиком подчиняет себе Максима, явно недобрая, поскольку она заставляет его нарушить элементарные нормы морали.

Дьявольская сущность этой «силы» проявится окончательно в итоговом произведении Шукшина — сказке «До третьих петухов». Ивана-дурака к Мудрецу (и тоже за «ма-ленькой бумажечкой») может провести только черт. «Я там договорился: нас примут в первую очередь», — обещает он Ивану.

Примечательно, что город предстает в рассказе «Змеиный яд» еще и как сказочное царство мертвых. Женщина-аптекарь похожа на скелет: «Кожа на лбу была до того тонкая и белая, что, кажется, сквозь нее просвечивала кость». У пожилого мужчины в больнице «была такая застойная тоска в глазах, что, глядя на него, невольно думалось: “Все равно все помрем”».

Поиск змеиного яда уподоблен в этом контексте добыванию живой воды. «Так ведь живую воду можно спрашивать», — отвечает Максиму один из аптекарей. Для мифологических представлений, как известно, характерно «отождествление слова и денотата». Герой Шукшина следует мифологической логике, согласно которой, узнав имя предмета, овладеешь и самим предметом. Трижды — безуспешно — Максим старается узнать, «как называется змеиный яд по-научному». Зато владеющий тайной заведующий аптекой достает лекарство с волшебной легкостью. Ему достаточно сказать в телефонную трубку «какое-то непонятное слово», и яд добыт.

В финале рассказа в руках Максима Волокитина оказываются целых два флакона змеиного яда. Дефицит оказался мнимым. Яд — в изобилии, ибо вся жизнь большого города пропитана им. Не случайный путь к заветному снадобью герою открывает его отчаянное восклицание: «Я вас всех ненавижу, гадов!» Сказав это, герой «тем самым уподобил людей ядовитым змеям, которые не хотят делиться драгоценным, в данном случае ядом».

Яд, который добывает Максим, это яд ненависти. Очевидно, что и сам он уже насквозь пропитался этим ядом. Интоксикация городом приобрела необратимый характер. ■